

алина **Ку**скова
женский детектив

ФАНТОМ БАНАНОВОЙ ДИЕТЫ

Разум голодающего
человека подвержен
возникновению фантомов
различной этиологии...

Алина Кускова

Фантом банановой диеты

«Центрполиграф»

2009

Кускова А.

Фантом банановой диеты / А. Кускова — «Центрполиграф»,
2009

Алла Звонарева, чтобы пожить на роскошной даче своего ученого дядюшки, согласилась на научный эксперимент – жесткую банановую диету. Но по ночам жестокий голод гнал ее к большому холодильнику. Однажды, пробираясь к источнику пищи, Алла увидела, как двое злоумышленников крадут ценную картину. Поднялась суматоха. Дядюшка и прочие обитатели дачи не обнаружили ничего криминального. И все решили, что истомленной диетой девице сцена похищения картины просто померещилась. Однако кое-что профессору все же показалось подозрительным, поэтому он пригласил сыщика Андрея Туровского. Теперь Аллочке надо восстановить свое доброе имя и незамедлительно найти грабителей.

Содержание

С чего все началось	5
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алина Кускова

Фантом банановой диеты

С чего все началось

– На новом месте приснишь жених невесте, – трогательно прошептала Алла Звонарева, укладываясь в постель и скользя на дорогом шелковом белье.

Девичья рука неуверенно потянулась к ночному светильнику и замерла, так и не найдя выключателя. Что-то Аллочке мешало спать в гостях у дядюшки и видеть прекрасные сны про сказочных принцев, случайным поворотом судьбы принесенных к ее ногам. Алла догадывалась, что ей мешало спать. Желудок, не привыкший к диетам, издавал жуткие завывания.

Родственники казались бы ей распрекрасными, если б не одно но. Дядюшка Аллы был профессором математики, но на закате научной деятельности внезапно занялся разработкой псевдонаучной теории сбалансированного питания на основе жесткой банановой диеты. В качестве подопытного организма выбрал племянницу Аллу. Отныне, живя в богатом профессорском доме, бедняжке приходилось придерживаться банановой диеты, разработанной ученым с мировым именем. Алла очень уважала профессора Ображенского и ела бананы. Но ее организм бурно протестовал.

Сегодняшней ночью особенно.

После отчаянной часовой борьбы за выживание Алла искренне предположила, что не будет большого греха, если она тайком проберется на кухню и съест пару кусочков сырокопченой колбасы. Всего пару кусочков! И немного сыра. И одно яблоко. Яблоко как фрукт очень близко к бананам. Это отрицать глупо. Как жаль, что на пальмах не растет колбаса!

Алла встала с постели и прислушалась к звукам.

Тишина стояла многообещающая.

Осторожно ступая по мягким коврам, Алла подошла к лестнице, ведущей на первый этаж коттеджа, туда, где ее поджидала кухня, и вздохнула. Она чувствовала себя предательницей. Нет, безусловно, жить на одних бананах можно! Но так хочется чего-то более существенного! И это желание всегда приходит по ночам.

Ей повезло, полная луна светила в окна кухни, позволяя не выдавать себя электрическим светом. Алла открыла огромный холодильник и с замиранием сердца заглянула внутрь. Вот она, вкусная, очень вкусная колбаска... А от ужина остались фрикадельки. Там, за горкой бананов, прячется сыр... Какое счастье! Люди! Жизнь прекрасна. Алла была согласна жить у холодильника.

Из дрожавших от приятного возбуждения рук сыр выпал и закатился под стол. Алла тут же бросилась за ним! Она что-то задела в темноте, оно упало, или ей показалось... Во всяком случае, шум был. Алла замерла с куском сыра, прижатым к сердцу. Тишина.

К сыру Алла прихватила батончик колбасы, фрикадельки по-андалузски, французскую булочку, кувшин с вишневым компотом... Кусок сыра пришлось взять в рот.

«Ничего, – подумала Аллочка, – яблоко тоже куда-нибудь пристрою. Носят же женщины в далекой Африке тяжести на голове!» За яблоком Алла отправилась в гостиную. Там, на столе, в фарфоровой вазе высилась гора сочных фруктов.

Луна, осветившая путь, внезапно показала ей одну из картин, висевшую на стене гостиной. Алла замерла на пороге. Нет, не от величия восточного полдня, изображенного на ней. Этот полдень она видела и совершенно не впечатлилась, родная подмосковная природа была ей ближе.

Возле картины возились две смутные фигуры.

Алла, понимая, что перед ней воры, тайком пробравшиеся за произведением искусства, принялась судорожно жевать сыр. На нервной почве ее всегда тянуло есть.

Разумеется, следовало кричать, но что именно: «Землетрясение!»? «Горим!»? «Насилуют!»? В любом случае про грабеж кричать было нельзя, это Аллочка знала еще с занятий самообороны. На крик «Помогите, грабят!» никто из наших сограждан не спешит. «Пожар!» больше не является панацеей, этим крикам мало кто верит. О землетрясениях в Подмосковье никто не слышал с прошлого столетия. А на крик о насилии выскочат хотя бы из любопытства.

Пока Алла продолжала жевать, чтобы освободить рот для крика, воры продолжали действовать, не замечая ее мятущейся сущности. Их было двое: большие, высокие, страшные. Они снимали со стены картину в тяжелой раме и мерзко хихикали. К тому моменту, как Алла прожевала, воры с картиной успели благополучно скрыться в другую дверь!

Этого девушка никак не ожидала, думала, что одной живописью дело не кончится: в гостиную было чем поживиться.

И Алла закричала:

– Помогите, насилуют!

В ту же минуту что-то зазвенело.

Алла протянула руку с колбасой к выключателю, в холле вспыхнул свет. Она обернулась и увидела на лестнице девяностолетнего деда профессора Ображенского. Он тряс головой, руками, ногами и клюшкой, при помощи которой шустро передвигался.

И еще Алла увидела веревку с колокольчиком, привязанную к балясинам лестницы на уровне ног деда. Алла опять закричала, но уже было поздно...

Дед с клюшкой приземлился рядом с ней.

А в холле начали собираться обитатели коттеджа...

Глава 1

Голодающая выбежала из кухни со связкой молочных сосисок на шее и солеными огурцами в обеих руках

Первым к лестнице прибежал профессор Иван Иванович Ображенский в длинном махровом халате. Было видно: спать он еще не ложился. Недоуменно уставившись на Аллу, увешанную продуктами питания, он медленно перевел взгляд на пострадавшего, лежащего на полу. Тот, услышав топот ног, поднял старческую руку и потряс ею в воздухе.

– Зачем ты это сделала?! – рявкнул профессор, кидаясь к родственнику.

– Я?! – возмутилась Алла. – Я ничего не сделала! Я только зашла за колбасой, чтобы понюхать.

– Она врет! – На лестнице раздался ледяной голос Ирины Аркадьевны, жены профессора Ображенского. – Я слышала, как она кричала, что ее насилуют. Иван Терентьевич этого сделать не мог по естественной причине. В его преклонном возрасте, когда одной ногой стоят... Кстати, он жив?

Профессор, пытающийся помочь деду, кивнул.

На лице Ирины появилось выражение полного разочарования.

– Тогда я вызову медиков, – заявила она и ушла звонить.

– Что случилось? Что случилось?

Алла вздохнула, глядя на прибежавших гостей профессора, супругов Воронцовых.

– Какое горе! – вскричала Анастасия Воронцова, глядя вниз. – Надеюсь, он не долго мучился?

– Муки здесь были несколько иного рода. – Раздраженный Ображенский бросил хмурый взгляд на руку Аллы с сырокопченой колбасой. – Стае, – обратился он к Воронцову, – помоги мне!

Воронцов кинулся помогать перетаскивать деда на диван в гостиную.

– Ах, какой симпатичный колокольчик! – восхищенно сказала Анастасия, отвязывая находку от порванной веревки. – Я как раз собираю колокольчики...

– Ирина Аркадьевна тоже собирает, – всхлипнула Алла, – только это не простой колокольчик! Это улика! – И она бросилась в гостиную. – Дядя! Здесь только что были воры! Я их видела. Они украли картину. И специально привязали колокольчик, чтобы услышать посторонние шаги. Когда я проходила нюхать колбасу, веревки с колокольчиком не было. Они не могли далеко уйти!

– Всех расстрелять! – очнулся на диване пострадавший. – Эту, – крючковатый палец остановился на Алле, – дважды!

– Это последствия контузии, – вздохнул профессор. – Иван Терентьевич, ты больше не работаешь на НКВД.

– Все равно, – прохрипел дед, – расстрелять.

– Не виноватая я! – прокричала Алла. – Это воры, они картину украли!

– Какую картину, милочка? – поинтересовалась Анастасия, скользя взглядом по стенам гостиной. – Если мне не изменяет память, все полотна на месте.

Алла положила продукты на стол рядом с фарфоровой вазой и медленно перевела взгляд туда, где радовал глаз «Восточный полдень».

– Эту, – выдавила она из себя и всхлипнула.

– Но картина здесь, – развела руками Анастасия. – Тем более картину с тяжелой рамой никто не ворует. Гораздо легче взять острый нож и вырезать холст.

– Может быть, грабителям была дорога сама рама, – хлюпая носом, предположила Аллочка.

– Иван Иванович! Иван Терентьевич! Чем помочь? Что сделать?!

В гостиную прибежала помощница по хозяйству Маша Суркова. Алла недолюбливала эту молодую, вертлявую толстушку и ничего хорошего от нее не ожидала. После того как та влюбила в себя студента Горюнова, Алле ничего не оставалось делать, как наблюдать за чужим романом. Нет, на Костика она не претендовала. Ему за двадцать, а ей уже двадцать восемь. К тому же он не мужчина ее мечты: длинный, сутулый, нескладный. Но все-таки...

– Профессор, что-то произошло? – Горюнов остановился на пороге гостиной и принялся протирать очки.

– Медицинская помощь придет через десять минут. – Его властно пододвинула Ирина и прошла в комнату.

– Помощь? – испугался студент и водрузил очки на нос. – Надеюсь, никто не пострадал?

– Пострадал Иван Терентьевич, – горестно вздохнула Машка, суетясь возле деда.

– Здесь были воры, они пытались украсть картину, – принялась оправдываться Алла. – Я закричала, прибежал Иван Терентьевич...

– Странно, я не ожидала от него подобной прыти, – заметила Ирина, усаживаясь в бархатное кресло возле окна.

– Какое благородство с его стороны, – сказал Стае Воронцов. – Человек спешил сделать добро.

– Всех расстрелять!

После того как «скорая помощь» увезла пострадавшего в клинику, обитатели коттеджа разошлись по комнатам. Профессор, поднимаясь последним по лестнице, отвязал веревку от балясин и сунул в карман.

– Честное-пречестное, – запричитала ему вслед Аллочка, – воры были!

– Последствия нарушения диеты, – мрачно заметил тот, не оборачиваясь. – Видения, фантомы... Нужно продолжать эксперимент, нужно продолжать.

– Но веревка? – прошептала Алла.

– Веревка? – Профессор услышал ее звенящий шепот. – Зачем веревка? К чему?

– Я ее не привязывала!

Возглас остался гласом вопиющего в пустыне.

Одно было хорошо – свидетелем этой унижительной сцены не стал Владимир, брат Ирины Аркадьевны, который очень нравился Аллочке. Вот он мог претендовать на ее девичье сердце. Только почему-то не претендовал. Алле не особо везло в личной жизни.

Мужчины, достойные внимания, изредка попадались. Но не задерживались, увлекаемые более ушлыми подругами. Впрочем, последнего кавалера у Аллы увела обычная серая мышка. А то, в чем потом признался бывший френд, повергло Аллу в уныние. Оказывается, теория британских ученых, по которой идет градация невест по цвету волос, не просто существует, а используется мужчинами на каждом шагу.

Блондинки считаются у противоположного пола на уровне подсознания недалекими и легкомысленными девушками, озабоченными собственными проблемами. Чтобы жениться на блондинке, нужно потерять последние мозги, другим словом – влюбиться.

То же подсознание говорит мужчинам, что брюнетки – надежные подруги. Из них получаются серьезные и умные жены. Шатенки в этой градации идут как самый оптимальный вариант, если жена требуется в меру умная, в меру глупая.

Алла третировалась забугорными учеными целиком и полностью. Ее пышная рыжеватая грива роскошных волос безапелляционно припечатывалась ярлыком роковой женщины. А как

известно, большинство мужчин не спешат связывать себя брачными узами с роковыми женщинами.

Вот и осталась Алла одна, когда френд сбежал к серой мышке.

Можно было кинуться в парикмахерскую и перекраситься в брюнетку. Но позвонил профессор Ображенский и пригласил родственницу участвовать в эксперименте.

Пожертвовать собой ради науки, вот чего захотела Алла. Она взяла отпуск и отправилась проводить его к дядюшке, все равно на курорты Средиземноморья денег у нее не хватало. А дом профессора находился в зеленой зоне Подмоскovie, окруженный со всех сторон лесными насаждениями, озерами и полями. Чем не курорт?

Но не только любовь к науке стала решающим фактором поездки. Втайне Алла надеялась встретить у профессора Владимира Воеводина, с которым была знакома с тех времен, когда профессор второй раз женился на его сестре. Случилось это пару лет назад. Красавец с красноречивым прищуром бездонных карих глаз запал в ее девичье сердце со слабой надеждой на взаимность.

«На новом месте приснишь жених невесте».

Алла сделала еще одну попытку уснуть. Организм на этот раз смирился с неизбежностью или удовольствовался куском сыра, проглоченного второпях. Мысли плавно перетекли с присказки (ясное дело – Алла собиралась увидеть во сне Владимира) к ограблению. Алла не сомневалась, что видела грабителей! И если бы не сыр, она закричала бы вовремя. Тогда все убедились бы, что у нее не галлюцинации. Разве могут привидения гаденько хихикать? Они же должны быть бестелесные и прозрачные, а Аллочка ясно видела темной ночью их огромные фигуры и наглые рожи. Нет, рож она как раз не видела. Но была уверена, что рожи наглые, раз уж они сумели проникнуть в запертый дом, чутко охраняемый сигнализацией доблестной вневедомственной охраны. И выйти из него живыми и невредимыми. С картиной... Но картина осталась висеть на месте... Неужели Алла ошиблась и они несли что-то похожее на картину? В лунном свете позолоченный багет отливал зловещим бликом, Алла не могла ошибиться. Как обидно, что ошибается профессор, думая про видения от недоедания!

Или это на самом деле видения? Ведь картина целая.

– Надо больше есть, – вздохнула Аллочка, отворачиваясь к стенке, и грустно добавила:
– Бананов.

Утром за большим круглым столом в гостиной собрались все обитатели коттеджа.

Первой прибежала Алла, ей срочно потребовалось взглянуть на «украденное» полотно. Оно висело на своем месте как ни в чем не бывало. Удрученная девушка села за стол и принялась водить вилок по скатерти, стараясь ночное происшествие вспомнить до мелочей. Утром все действительно казалось привидевшимся...

– Как вы нас напугали, Аллочка. – В гостиную под руку с женой зашел Стае Воронцов.

От него несло освежающим морским бризом парижского разлива, Алла чихнула.

– Правда, – кивнула его супруга. – Я тоже как-то сидела на диете, – усаживаясь рядом с Аллой, принялась рассказывать Анастасия, встряхивая мелким бесом на светлых волосах, – так мне в каждом углу чудились гамбургеры с сочным мясом и хрустящей корочкой...

Алла проглотила слюну, Анестезия (так она называла про себя Воронцову) над ней фактически издевалась. Но она не могла возразить из-за дурацкой картины!

– Доброе всем утро, – бодро и радостно, словно выиграл в лотерею, произнес вошедший в гостиную студент Костик. – А-а-а, – протянул он, глядя на Аллу, потер выпуклый лоб, потом почесал намечающуюся лысину, – вчера было полнолуние. Мне тоже всякая муть мерещилась: сублимация трехмерного пространства экранировалась в теорему Пифагора...

– Не нужно меня успокаивать, – отмахнулась Алла.

– Да, – горестно заметила Анестезия, – бедный Иван Терентьевич!

– Я позвонила, с ним все в порядке. Он, как обычно, бредит.

Ирина Аркадьевна в черном шелковом кимоно «а-ля распрекрасная гейша» была восхитительна. Ее белокурые волосы, туго собранные в пучок и украшенные странными заколками, похожими на длинные иголки, подчеркивали стать и холодную отчужденность. Алла отметила: Ирина была безупречна. Если бы она имела такой же утонченный вкус и хотя бы небольшие денежные средства, вполне возможно, что серая мышка осталась бы с носом.

– Разумеется, – Ирина, садясь рядом с подругой Воронцовой, бросила обвиняющий взгляд на Аллу, – падение не добавило ему здоровья...

Алла оставила вилку в покое и заерзала на стуле.

– Иногда, – Ирина задумалась, после чего продолжила: – от удара мозга встают на место. Но в его случае, – добавила она более теплым голосом, – этого не произошло.

– А что, собственно, произошло? Всем привет!

В комнату зашел брат Ирины Владимир и улыбнулся присутствующим.

– Я что-то пропустил? – поинтересовался привлекательный брюнет, усаживаясь рядом с сестрой и расправляя белоснежную салфетку.

Алла внутренне сжалась. Сейчас начнется! Уж лучше она начнет сама.

– Иван Терентьевич упал с лестницы! – выкрикнула Алла.

– Опять? – развел руками Владимир. – Он и в прошлую пятницу падал, дорогой наш Ванька-встанька. Неугомонный старик. Что его подвигло падать? В прошлый раз ему показалось, что дом окружили враги и собирались брать его штурмом.

– На этот раз показалось не ему, – хмыкнула Ирина, – а нашей Алле.

– Мне не показалось, – возмутилась Алла, – я видела грабителей!

– Что вы говорите, Аллочка!

Владимир, насмешливо глядя прямо в глаза, наклонился над столом в ее сторону.

– То и говорю, – смутилась она, – что говорю...

Анестезия, кто ее только за язык тянул, начала рассказывать о ночном происшествии, сдабривая его только ей известными фактами. Якобы оголодавшая вконец Алла, как только в доме уснули, на цыпочках прокралась на кухню за продуктами, по пути привязав к лестнице веревку с колокольчиком. Ее застучал Иван Терентьевич, колокольчик прозвонил как раз в тот момент, когда девица выбегала из кухни со связкой молочных сосисок на шее и солеными огурцами в обеих руках. Дабы оправдать свое разгульное поведение, а девица, как ни крути, сидит на диете в целях научного эксперимента, она сочинила историю про картину и грабителей, так ничего и не укравших в роковую для нее ночь.

Алла не знала, куда глаза девать! Она была готова спрятаться под стол.

Стерва Анестезия! Как ловко все завершила.

– Неправда, – все же тряхнула рыжим хвостом Алла.

– Да? – Анестезия вскинула тонкие брови. – Может быть, я ошибаюсь?

– Да, дорогая, – влез Воронцов, – ты ошиблась: вместо сосисок у нее была в руках сырокопченая колбаса.

И супруги расхохотались.

– Занимательно, – отреагировал Владимир и весело подмигнул Алле.

Настроение у нее резко улучшилось. Вот мужчина, который ее понимает!

– Деду стало лучше. – Последним к завтраку спустился профессор. – Он вдруг вспомнил, что в томики Пушкина у него лежат акции Газпрома.

– Те акции, которые ему подарили на юбилей?! – всплеснула холеными руками Ирина.

– Те, – кивнул муж, – он сделал из них закладку. Осталось только вспомнить, в каком именно томе...

Профессор пожал плечами и сел рядом с женой.

– Ты не должен тратить свое драгоценное время на звонки в клинику, – Ирина пожала руку мужа, – я сама этим займусь. Тебя ждет наука!

Алла представила в образе науки себя. Полненькая, рыженькая, вечно голодная – хороша наука, нечего сказать.

– Иван Иванович, – в комнату приплыла помощница по хозяйству Машка Суркова, – госпоже Звонаревой банановое суфле, а остальным господам как обычно?

– Разумеется, – вместо профессора холодно ответила Ирина.

И Машка с радостной улыбкой, растянутой до ушей, поставила перед Аллой суфле.

Голод не тетка, когда хочется есть, съешь и эту гадость.

Искося поглядывая на домочадцев, уминающих человеческую еду, Алла мысленно твердила, что и ей когда-нибудь благодарные потомки поставят памятник, как собаке Павлова. Только доживет ли она до этого светлого времени, неизвестно. Если только эксперимент завершится неблагополучно, профессор поймет, что жить на одних бананах могут только его любимые обезьяны. Но раз она согласилась жертвовать собой ради науки, сдержит слово. Утром и днем, во всяком случае. Ночью она ни за что не отвечает. Хотя...

Алла поймала заинтересованный взгляд Владимира. Ради него она бы голодала...

– Аллочка, – сказал он, – а давайте мы с вами пообедаем в ресторане!

Издевается?! Или пожалел?

– Глупости, – отрезала Ирина, – девочка не может распоряжаться собой. Она жертвует ради науки.

– Да, – вздохнула Алла, чувствуя вину за вчерашнюю несдержанность, за несчастного старика, свалившегося с лестницы, за расстроенного дядю... – Я это, жертвую.

– Ну и зря. – Владимир кинул салфетку на стол, Машка тут же побежала за кофе.

Алла повела носом. Лично ей полагался цветочный чай без сахара.

Владимир с чашкой в руках поднялся и подошел к картине.

– Автор Фредерик Лейтон, – объявил он, ни к кому конкретно не обращаясь. – Зыбкая греза и томная нега восточных красавиц. Но это не Фредерик Лейтон. Это не оригинал! Я ведь прав, профессор?

Тот хмуро кивнул.

Все уставились на изображение двух пышнотелых красавиц, возлежащих под сенью раскидистого дерева, и одну мускулистую спину мужчины, самозабвенно играющего для них на флейте.

– Аллочка, кому она нужна? – Он, усмехаясь, поставил на стол чашку и вышел.

– Копия?! – искренне удивился Костик.

– Это писала жена Ивана Терентьевича, – пожала плечами Ирина. – Она училась в художественной академии, была дворянкой и в свое время выскочила замуж за Ображенского исключительно в целях пропитания.

Алла кивнула, в этих целях она тоже за кого-нибудь выскочила бы.

– Значит, – вернулась к первоначальной версии Алла, – они хотели спереть раму.

– Да вы крепкий орешек! – восхитился Стае Воронцов.

Профессор попросил Аллу после завтрака зайти к нему в кабинет рядом с гостиной. Алла выполнила его просьбу после того, как помогла Маше убрать со стола. Она встала перед дверью кабинета, стукнула в нее костяшками пальцев и зашла. Ничем секретным профессор не занимался и позволял входить без разрешения, правда, обычно никто ему своим присутствием не досаждал.

Профессор стоял рядом со студентом Горюновым напротив высоченных книжных стеллажей спиной к Алле. Она увидела поднятые головы, два почти одинаковых затылка: у одного

только пробивалась плешь, а у другого лысина занимала большую часть головы. Алла прикинула: студент четко идет по стопам учителя, вплоть до внешнего вида. Чем умнее, тем лысее...

Обе лысины резко повернулись в ее сторону.

– А, м-да, – сказал профессор, нахмурившись, – предполагали, какой том Пушкина...

– Ага, – кивнул студент, – гадали, куда он мог сунуть... Ну да.

– Константин, оставь нас на минуту.

Профессор сел за стол, укрытый зеленым сукном и заваленный до отказа бумагами, Алла устроилась на стуле напротив. Она хотела забраться в скрипучую плетеную кресло-качалку, являющуюся наиболее ценным, по ее мнению, предметом обстановки во всем двухэтажном особняке, но постеснялась. Ясное дело, дядя собирается ее ругать за то, что она прервала диету, скрип вызовет лишнее раздражение.

– Аллочка, – начал профессор, протирая стекла очков.

«У них со студентом и очки одинаковые», – подумала Алла, машинально следя за его действиями.

– Алла, ты можешь в любой момент прекратить эксперимент, – вздохнул профессор. – Если чувствуешь, что не готова идти дальше...

– И что будет? – с волнением в голосе поинтересовалась племянница.

– Я приглашу другую девушку, – ответил тот.

Алла вздохнула. Ей в таком случае придется собирать манатки и возвращаться в пыльный город, оправдываться перед подругами, что от натуральной природы у нее выявилась аллергия. Придется уехать от Владимира, единственного мужчины, который ее понимает, придется... Впрочем, уже и этого достаточно.

– Ни за что!

Она похвалила саму себя за проявленную решимость.

– Я понимаю, что должна через это пройти.

– Я рад за тебя, – обрадовался профессор, вскакивая и подбегая к ней. – Ты у меня умница!

И дядя ее крепко обнял. Разве она могла отказать такому замечательному человеку?!

– Я забуду, – пообещал профессор, – про твой порыв. И про веревку тоже забуду, хотя нехорошо получилось с Иваном Терентьевичем...

– Про веревку?! – воскликнула Алла. – Про веревку забывать не нужно! Не я ее привязывала.

Образженный рассеянно кивнул и подтолкнул Аллу к выходу.

Следует отдать ему должное, минутная аудиенция завершилась вовремя, словно он был готов услышать от племянницы то, что услышал.

Алла вышла из кабинета, куда тут же ввалился карауливший под дверью Костик.

Она зашла в пустую гостиную и остановилась перед картиной.

Оказывается, подделка! Действительно, кому она нужна? А если грабители не знали об этом? Костик ведь не знал. Может быть, и грабил кто-то из своих.

В коттедже два этажа, две лестницы, два входа в гостиную. Можно пробежать по кругу! И совсем не обязательно выходить на улицу, чтобы укрыться от домочадцев. Спуститься с ближайшей лестницы, привязать на нее веревку с колокольчиком, потому что она прямоком выходит к гостиной, украсть полотно, вернуться по другой, дальней лестнице и спрятаться в своей комнате. Все хорошо складывается, только картина висит на месте, а Аллу обвиняют чуть ли не во всех смертных грехах.

Бросив обвиняющий взгляд на одалисок, Алла гордо потрянула рыжей головой. Она ни за что не согласится с тем, что это мираж. Больше не станет ничего утверждать, все равно ей не верят, но останется настороже. Грабители были, она уверена в этом до такой степени, что

готова есть банановое суфле на обед и ужин! Нет, ужин – это слишком. К ночи всегда хочется колбасы...

Невеселые мысли Аллы прервал резкий телефонный звонок стационарного аппарата, стоящего на полочке XVIII века в углу гостиной.

Сама гостиная была больше похожа на комнату из охотничьего домика какой-нибудь царствующей особы: огромный круглый стол посередине; стулья с витыми ножками, высокими спинками и бархатными сиденьями, кресла; под стать им буфет эпохи французского короля Людовика XIII. Огромная люстра в стиле винтаж, из преломляющих свет изумительных кристаллов, как утверждала Ирина Аркадьевна, кристаллов Сваровски, дополняла убранство комнаты под XVII век. Цветы и картины. Просто, элегантно, поэтому дорого.

Картины висели на всех стенах, в основном это были пейзажи. «Восточный полдень» тоже являл из себя пейзаж, на фоне которого расположились полуголые люди.

А аппаратов в коттедже Алла насчитала штук пять. Даже в гостевой ванной комнате висел телефон.

Алла немного подождала, пока кто-нибудь снимет трубку, телефон продолжал трезвонить. Видимо, домочадцы разошлись по своим комнатам, там телефонов не было. Наверняка чтобы не подслушивали друг друга. Но и здесь разговор не станет тайным, Машка может в холле снять трубку, профессор в кабинете...

Почему-то не снимают.

– Слушаю вас. – Алла поняла, что, кроме нее, отвечать некому.

– Ты кто такая? – нагло поинтересовался в трубке осипший мужской голос.

– А ты кто? – в свою очередь спросила Алла. Разумеется, она знала, как интеллигентно отвечать абонентам. Но это был не абонент, а натуральный хам.

– Ирка? Ты? – удивился голос.

– Ага, Ирка, – вредничала Алла. – Сейчас будет тебе Ирка! И не Ирка, а Ирина Аркадьевна!

– Не выделяйся, дура, – предупредил мужчина. – Готовь капусту в полдень, или отправишься отдыхать не на Лазурный Берег, а к праотцам.

– Нет, – растерялась Алла, – нормально, а? Какую такую капусту готовить?!

– Американскую, – хмыкнул голос и отключился.

Только этого ей не хватало после ночного происшествия! Опять никто не поверит, что какой-то мужик звонил и угрожал Ирине Аркадьевне. Алла вздохнула, села в кресло напротив нашумевшей картины, поджала под себя ноги и принялась думать.

На этот раз она ни в чем конкретном не была уверена, так что обнародовать разговор не спешила. Ничего общего у телефонного хама с холеной Ириной Аркадьевной нет и быть не может. Вероятнее всего, наглец ошибся номером и требовал другую Ирину. У нас в стране Ир, отдыхающих на Лазурном Берегу, тьма– тьмущая... Алла себе не поверила. Есть у нее подруга Ира Курочкина, так та вообще никогда за пределы области не выезжала. Наверное, копит на границу. Аллочка же, что копи, что не копи, на зарплату продавца-консультанта далеко не уедет. Нет, если и дома продолжать питаться одними бананами, накопить можно. Но тогда придется отказать себе в сезонной смене гардероба. А от этого Алла, как настоящая женщина, отказаться была не в силах.

Если вернуться к хаму с его капустой, Алла точно знает одно: капуста бывает пекинская. Это такой вкусный, хрустящий салат! Ела бы его и ела... А вот про американскую она ничего не слышала. Скорее всего, вывели новый сорт. Кого она обманывает?! Себе-то можно сказать правду.

Звонил хам и угрожал, требовал деньги. Думал, что разговаривает с Ирккой.

С Ириной Аркадьевной?!

Первый, вернее, уже второй порыв был – броситься к тете и все рассказать. Алла вскочила, наткнулась взглядом на картину и застыла. Не поверит. В любом случае у аппарата есть память, пусть проверит и убедится, что этот тип звонил. Алла кричать не станет, просто скажет, что кто-то звонил и спрашивал хозяйку.

Тогда почему она ее не позвала? Снова влипла.

Хуже всего жить у богатых родственников на птичьих правах. Но она гордая птица на диете. Когда мозг не обременен мыслями о переработке лишних жиров, он явно работает лучше. Алла что-нибудь придумает. Она принялась ходить по гостиной, прислушиваясь к шагам. Сейчас зайдет Ирина, и она ей скажет про типа. Но говорить не пришлось. Во дворе загудел двигатель красной спортивной машины госпожи Ображенской, и подбежавшая к окну Алла увидела только ее бампер. Ирина уехала в город, значит, вернется только вечером, а до вечера все утрясется.

В любом случае Алла больше трубку брать не будет. Лично она ни от кого звонков не ждет.

– Звонарева, Алла. – На пороге гостиной стояла Машка и подмигивала.

– Да? – встрепенулась Алла. – Помочь?

– Помогла уже, пасибки, – улыбнулась Машка. – Пойдем, я отблагодарю.

– Нет! – взвизгнула Алла, испугавшись собственного голоса, такого нервного, истеричного, втайне на что-то надеющегося...

– Не выделяйся, – сказала Маша, повторяя слова телефонного хама, – пойдем.

И Алла пошла на кухню, оправдывая себя тем, что должна узнать, подслушала Маша разговор или нет.

Маша Суркова была привлекательной, склонной к полноте восемнадцатилетней девушкой, таких мужчины обычно называют аппетитными. Она родилась и выросла в деревне и, как только представилась возможность, покинула ее, нанявшись в прислуги. Профессор не любил слова «прислуга» и называл Машку помощницей по хозяйству. В принципе никто обычно не акцентировал внимания на названии, потому что Маша оказалась хваткой, расторопной и услужливой. Она прижилась в профессорской семье и стала незаменимой. Внешне казалось, что Маша довольна работой, профессором, его супругой, родственниками и гостями. Особенно студентом Горюновым, который проявлял к ней благосклонное внимание.

Алла понимала: кинься она искать союзницу в этом доме, лучше Машки не найти. Но все равно чисто из женского эгоизма воспринимала ее как соперницу. Ведь Костик мог увлечься ею. Вот только Алла им не увлеклась. Но это отдельный разговор.

– Банановый, – сказала Машка, когда они уселись на кухне за столом, и сунула Алле теплый пирог, – специально для тебя испекла, с печенкой.

– Ты что?! – испугалась Аллочка. – Я профессору обещала...

– Я тебе говорю, бананы там есть, в тесте. Ешь, а то скоро от тебя ничего не останется. Мужики не собаки, на кости не бросаются. Слышала такую поговорку? То-то.

Алла вздохнула и здраво рассудила: раз в этом пироге есть бананы, она слово держит.

Машка, подперев подбородок пухлой рукой, с нежностью смотрела, как Алла уминает ее произведение кулинарного искусства. Алле показалась странной такая нежность. С чего бы это? Неужели Костик признался, что по ночам думает о Звонаревой? Тогда понятно, почему Машка решила ее раскормить до неприличных размеров.

– Что профессор-то от тебя хотел? – как бы между прочим поинтересовалась Маша.

– Я же говорю, – жуя, ответила Алла, – слово дала...

– А, – разочарованно процедила та, – я думала, он следака вызвал.

– Следователя?! – изумилась Алла. – Зачем?

– Ну, дед же не сам упал, ему помогли. Веревка и колокольчик. – Маша оглянулась на дверь и зашептала: – Я тебе верю, кто-то в гостиной прятался. Только он не картину тырил, хотел от деда избавиться. Сама прикинь, сколько этот дед стоит?

– Это что, по расценкам работяг?

– Я в переносном смысле. Если дед коня двинет, профессору с его Ирккой все достанется. А колокольчик, тот, который Настька себе забрала, я раньше видела у хозяйки. Из ее коллекции колокольчик.

– Маш, а кто из твоих знакомых может нашу профессоршу Ирккой звать?

– Ирккой? Да все, кому не лень. А что в этом такого? Ирка – она и есть Ирка. До профессора замужем за архитектором была, тот ее в ночном клубе подобрал, где она стриптизершей подрабатывала, когда в институте училась. По государственной программе для жителей сельской местности. Или как еще это у них называлось. Вот! Это теперь она Ирина Аркадьевна.

Настроение Аллы должно было ухудшиться, она была обязана протестовать против прислуги, наглым образом копающейся в грязном белье хозяйки дома. Но Алла ела и слушала Машку. Прикидывала, могла ли та подделать голос и позвонить с угрозами. Нет, не могла. Машка голос хозяйки отлично знала. И вообще, она добрая девушка, только сплетница. Но разве за это можно обвинять?! Впрочем, ничего криминального не случилось, Машины предположения – всего лишь гипотезы, не подкрепленные следствием.

– Маш, как ты думаешь, может Ирине кто–нибудь угрожать?

– Ха! Еще бы, она себе столько врагов нажила за последнее время!

– А что за последнее время произошло? Не считая моего ночного кошмара.

Маша еще раз поглядела на дверь, округлила глаза и зашептала:

– Она вступила в КЭЛ!

– Куда?

– В Клуб эстетствующих леди. Мне девчонка рассказала, которая там маникюршей работает. Мастер по дизайну ногтей! Держите меня хором. Я тогда дизайнер по пищеблоку... А, клуб. В принципе ничего необычного, таких клубов пруд пруди. Релаксация под классическую музыку, расслабление под пение соловья, виртуальный массаж... и заумные разговоры про элиту общества, то есть про членов клуба. К тому же бешеные деньги за посещения. Вот Ирина Аркадьевна, этой элитой себя возомнив, и возгордилась. До твоего приезда она своей близкой родственнице в гостеприимстве отказала, да и на тебя, Звонарева, согласилась только из научных соображений. Ты у них с профессором подопытная мартышка, – вздохнула Машка. – Ешь больше, чтобы глюков не видеть. А ты действительно не заметила их физиономий?

Алла пожалала плечами.

– Жаль, – покачала головой Маша, – я на сто процентов уверена, что в гостиной пряталась Ирка! Колокольчик ее, дед мужа... Куда делась веревка?

Алла, жуя пирог с печенкой без зазрения совести, изобразила из пальцев очки у себя на носу.

– Понятно, – вздохнула Машка, – у профессора. Точно следака вызовет. Ты, Аллочка, тогда честно говори: видела ночью в гостиной Ирину Аркадьевну.

Алла чуть не подавилась и закашлялась.

– Ничего, ничего, не спеши, – постучала ее по спине Машка, – остатки я тебе с собой дам.

Алле вдруг стало обидно. Ее купили за пирог с печенкой! Да она могла бы этот пирог сама ночью взять. Днем бы смогла...

Нет, сближаться с Марией никак нельзя, раз она так подставляет людей, относящихся к ней как к человеку! Если Костик вдруг действительно признается, что по ночам думает об Алле, Машка перешагнет через ее труп, не слушая криков о том, что Алла в отличие от Костики по ночам думает только о колбасе и Владимире Воеводине.

Но с чего бы ей мстить Ирине Аркадьевне? С чего бы Ирине Аркадьевне угрожать? А почему, собственно, Ирина Аркадьевна не могла прятаться в гостиной? Их было двое. Ирина Аркадьевна и тот тип, который теперь ей угрожает. Машка права в одном, нужно вызвать следователя. Алла, расправившись с пирогом, почувствовала: в воздухе витает дух криминала.

Приедет товарищ, разберется, снимет с Алочки обвинение в бессмысленном видении. У нее было видение со смыслом! Товарищ следователь все поймет. Если его не вызовет профессор, может быть, Алле самой съездить в милицию и рассказать, что случилось? А что случилось? Грабители побывали в доме, но ничего не украли. Шантажист звонил хозяйке, но та его так и не услышала. Дед с лестницы свалился, а кто не падает? Вон в мексиканских сериалах каждый раз, как только герой оказывается лишним, его тут же спускают с лестницы. Раз – и нет героя. Раз – и нет деда? Неужели Машка права?

Товарищ начнет разбираться, кому это выгодно. Как ни крути, получится, что ей, Алле Звонаревой. Если посадят супругу, а профессор не переживет удара судьбы, прямой наследницей станет она. Но Алла на деда не покушалась! Как все запутано.

Поблагодарив Машу за чудесный пирог, Алла пообещала сообщить, если приедут люди из милиции.

– Мы с тобой одной крови, – зловеще прошептала та на прощание, – не голубой, зато честной.

После этого Алла догадалась: Машка боялась, как бы во всем не обвинили ее. Правильно делала, между прочим. Во многих детективных историях, которые читала Аллочка, преступником оказывался кто-то из прислуги. Но было ли преступление?

Глава 2

– Все хорошо, она этого не делала – Плохо. тогда это сделал кто-то другой

Луч солнца скользнул по стене, спустился вниз и безжалостно остановился на подушке возле темных, стильно уложенных накануне волос. Несколько мгновений выждал и направился на лицо спящего мужчины, выражающее во сне полную беззаботность и удовлетворение от одинокой холостяцкой жизни. Мужчина приоткрыл темно-серые глаза и уставился на часы. Часы показывали половину восьмого, раннюю рань – по меркам молодого человека, вставшего недавно на путь сыска и теперь позволяющего распоряжаться временем по собственному усмотрению. Но солнце на этот раз решило нарушить его планы хорошенько отоспаться. Щурясь от навязчивого света, мужчина встал и направился к окну задергивать портьеру, неосмотрительно оставленную без внимания вчера вечером. Но сон прошел. Неожиданно, внезапно и совершенно, как только сыщик вспомнил о новом деле.

Он, весело насвистывая бравурный марш, отправился в ванную бриться и приводить себя в порядок.

После ванной – традиционная чашечка кофе, сваренная по-турецки. Кофе встряхивает сонный организм, освежает память, направляет работу серых клеточек мозга в нужное русло. Но не растворимый кофе, включающий в себя непонятные добавки, а натуральный, из чистых, в меру прожаренных зерен с заораживающим ароматом. Хороший крепкий кофе ассоциировался у сыщика с роковой брюнеткой, убивающей воздыхателя пылким взглядом бездонных карих глаз. А растворимый напиток напоминал ему сублинную блондинку, суррогат. Рыжая же... что он думал о рыжих девушках? Ничего. До этого дня. Сегодня придется думать о рыжей.

Жизнь прекрасна! Жизнь прекрасна, когда ты молод, полон сил и обладаешь недюжинными дедуктивными способностями, так востребованными в наше нелегкое время. Жизнь прекрасна, когда ты выглядишь на все сто. Внешний лоск в первую очередь говорит клиентам о солидном финансовом положении, тогда они не скупятся на гонорары.

Сыщик открыл шкаф и пробежал глазами по вешалкам.

Сегодня он едет в дом к профессору Ображенскому, следовательно, увидит красавицу Ирину Аркадьевну. Он взял вешалку с темно-серым костюмом – новинкой сезона. Но разговаривать по просьбе профессора ему придется с их бедной родственницей, натворившей с голодухи разных бед. В этом случае нужно одеться более демократично. Он повесил темно-серый костюм обратно и взял светлый льняной.

Девушка сидит на диете в целях научного эксперимента, прекращать который профессор не хочет ни за что на свете, даже ценой здоровья собственных родственников. Девушка, по его словам, ночью пробралась за пропитанием на кухню и привязала к лестнице колокольчик. От восторга при виде еды она закричала, на этот крик пришкандыбал девяностолетний дед профессора, но зацепился за веревку и упал с лестницы. Родственница клянется, что веревку не привязывала, и сочиняет историю про грабителей.

Все ясно, ему нужно поговорить с девушкой и объяснить, что в доме его постоянного клиента профессора Ображенского следует себя вести более осмотрительно и прилично. Иван Иванович, разумеется, верит родственнице. Но, доверяя, нужно проверять. В данном случае – выяснить, кто же на самом деле привязал эту злосчастную веревку. Выяснить так, чтобы не беспокоить обитателей коттеджа. Те хорошо знали Андрея Туровского, неоднократно оказывавшего услуги профессору, так что его появлению вряд ли удивятся. А с девушкой он поговорит с глазу на глаз.

Туровский усмехнулся: еще ни одна женщина не устояла против его фатального обаяния.

Высокий, подтянутый, широкоплечий, с пронзительным взглядом стальных глаз, пробирающих до мелкой дрожи, с мягким бархатным баритоном, который дамы находили весьма сексуальным, он являл из себя настоящего героя, сошедшего со страниц любовного романа.

Еще ни одна не устояла. Но Туровского не интересовали затянувшиеся романы-интрижки. Он рвал отношения с женщинами дерзко и решительно, как только понимал, что увлечение прошло, но дамы его сердца, как ни странно, покидали его не обижаясь. Вероятно, надеялись на всплеск чувств в будущем.

Облачившись в светлый костюм и белые узкие туфли, он взглянул на себя в зеркало и остался доволен. Рыжуха никуда не денется, во всем признается сразу. Да она таких мачо, как Туровский, наверняка никогда в жизни не видела.

Андрей хмыкнул, взял с полочки ключи от «мерседеса» и, беззаботно покручивая их на указательном пальце, вышел из квартиры.

Двор новостройки, куда недавно вселился Туровский, являл из себя полное запустение. Обещанное компанией-строителем благоустройство прилегающей к дому территории из-за финансового кризиса задерживалось на определенное время. Жителям приходилось довольствоваться парковкой и тротуаром, за которым темнели бугры и колдобины. Вид оставлял желать лучшего, так что поменять его на коттедж Ображенского сыщику хотелось не глядя.

Это и стало для него роковой ошибкой. Он проглядел соседку из первого подъезда, располневшую краснолицую молодницу, пару десятков килограммов назад выглядевшую на свой тридцатилетний возраст. Она неслась к нему со скоростью испуганного бегемота и грозно хватала воздух красными, под цвет лица, губами, похожими на вход в преисподнюю. Ничего хорошего Туровский от нее не ждал. Злясь на себя, что не огляделся, прежде чем показаться на белый свет, он подбежал к «мерседесу» и принялся открывать водительскую дверцу. Но бегемотиха, несмотря на свой внушительных размеров вид, тоже оказалась проворной. Она подскочила к Андрею и схватила его за рукав.

– Господин Туровский! – запричитала дама. – Как хорошо, что я вас встретила! Я уже три часа вас караулю. Он опять не ночевал дома. Он опять меня бросил...

– Елизавета Тихоновна, – мягко начал Андрей.

– Ах, – махнула рукой та, – к чему эти сантименты. Зовите меня просто Изольдой!

– Изольда, – Туровский тут же перешел на волнующий шепот, – зачем вы бегаєте за мужем? Такая чувственная, роскошная женщина должна держаться с достоинством и на расстоянии... От меня, во всяком случае. Вдруг ваш супруг что-то заподозрит и начнет ревновать?!

– Правда? – Ее заполненные скорбными слезами глаза моментально высохли и округлились. – И тогда он вас убьет как соперника?

– Непременно, – кивнул Туровский, открывая дверцу.

– Это хорошо, – улыбнулась своим мыслям дама. – Ах, что я говорю! Это плохо. Вы ведь тогда не сможете за ним проследить!

– Но я не могу за ним проследить таким образом, каким вы желаете, чтобы я это сделал. С этого года, несравненная Изольда Тихоновна, частным сыщикам запрещается пользоваться подслушивающей аппаратурой...

– Не может быть! – всплеснула полными руками, униженными перстнями, соседка. – Неужели нельзя поставить ему в автомобиль жучок и подслушать все, о чем он говорит?! И главное, с кем он говорит в мое отсутствие.

– Действительно нельзя, – пожал плечами Андрей и сел за руль.

Дама вцепилась в дверцу.

– Чем же вы тогда, господин Туровский, собираетесь зарабатывать на хлеб с икрой?!

– Лучшим, что может быть у сыщика, – подмигнул Андрей, – дедукцией. Единственное, что нам еще не запретили использовать на практике.

– Так используйте ее применительно к моему неверному мужу! Я хорошо заплачу.

Андрей вздохнул, отвел глаза от драгоценностей. Да, судя по всему, сделка могла быть удачной. Но Туровский никогда не занимался такой мелочью, как слежка за супругами. Это неблагодарное дело. Сначала они ссорятся, заказывают слежку, потом, когда им представляешь все доказательства неверности, внезапно резко меняют политику, объединяются и начинают винить сыщика в подтасовке фактов.

– Может быть, когда-нибудь, – бросил Изольде Туровский, привыкший оставлять женщинам надежду.

– О-зо-ло-чу, – хриплым басом произнесла бегемотиха, – если вы найдете эту стерву!

– Хорошо! – нервно выкрикнул Андрей, бесцеремонно отпихивая даму от дверцы. – Я же сказал, когда-нибудь. Сейчас у меня важное правительственное задание. Задание партии, понимаете?

Соседка прищурила хитрые глаза и ничего не сказала.

Это было выразительнее всех слов. Туровский понял, что Изольда от него никогда не отвяжется. Никогда. Обремененная подозрениями в неверности супруга, она была способна на преступление. Ему следует держаться подальше. Может быть, стоит погостить у профессора? В любом случае нужно чаще к нему ездить. А у Изольды тем временем в семейной жизни все прояснится, она прет напролом, как танк победителей по вражескому стану, вряд ли неверный супруг долго продержится в своей неверности.

Но – осечка! Вышла осечка, она не клюнула на его колдовское обаяние. Странно. Он начинает терять шарм или квалификацию? Андрей нахмурился, подумал: нужно было надеть серый костюм, и надавил белой туфлей на педаль газа.

Небольшой инцидент с соседкой вывел сыщика из благостного настроения. Туровский решил: ночь полнолуния пагубно сказалась на представительницах слабого пола, и ему придется приложить дополнительные усилия, чтобы добиться желаемого результата. Если на него не клонет и девчонка, он придумает, как ее разговорить. Узнает, чем она занимается, интересуется, увлекается...

Чем может увлекаться обычная девица близкого к краху личной жизни возрасту? Ясное дело, мужчинами. Так что заранее настраиваться на поражение Туровский не стал, не такой у него характер.

Аллочка слонялась без дела из комнаты в комнату, старалась настроиться на диетический лад.

Сегодня в ее спальню Костик по просьбе профессора поставил напольные весы. Такие симпатичные, небольшие, со стеклянной поверхностью... Аллочке показалось, что профессор приобрел такие весы намеренно – встань на них с лишними килограммами, нежное стекло даст большую трещину не только на весах, но и в отношениях Аллы с дядей. Ссориться не хотелось. Она старалась перед взвешиванием много не есть и надеялась не просто найти взаимопонимание со стеклянными весами, но и сродниться с ними. Сегодня, правда, они в присутствии профессора и студента безжалостно показали все ее шестьдесят килограммов. Профессор покачал головой, студент глубоко вздохнул, а Алла вспомнила про кусок проглоченного сыра.

После их ухода она перетасила весы ближе к двери и поставила по правилам фэн-шуй.

Постоянно открывающаяся дверь должна была изгонять лишний вес, то бишь лишний вес должен был покидать Аллочку, оставляя в ее нехлипком (но когда-нибудь оно будет хлипким!) теле самое необходимое для жизнеобеспечения.

Для того чтобы фэн-шуй начал действовать, Алла стала гулять по комнатам, время от времени заглядывая к себе. Она подмигивала весам, ласково гладила их холодную, неподкупную поверхность и шептала как заклинание: «Надо есть... бананы».

Весы помогли ей забыть Машкино коварство.

А дядя попросил вспомнить ночной инцидент. Он объяснил Алле, что пригласил в дом специалиста по фантомам, который жаждет поговорить с девушкой, видевшей ночью привидения.

Алла пожалала плечами: отчего же не поговорить со специалистом по привидениям, раз больше в этом доме поговорить толком не с кем.

Машка не в счет, разговоры с ней могут привести к нервному срыву. Ирина Аркадьевна никогда не уделяла Аллочке должного внимания, изредка перебрасываясь с ней ничего не значащими фразами, когда оставалась дома. А дома она оставалась редко, вот и сегодня укатила в клуб. Анестезия после утреннего предательского рассказа о ночном происшествии в присутствии Владимира также не внушала доверия. К тому же они со Стасом отправились к бассейну, где собрались провести целый день, погода выдалась солнечная, можно было загореть на халяву. Алла догадывалась, что у супругов не слишком удачно складываются дела в семейном бизнесе. Гостят они у профессора потому, что разнообразят жизнь его супруги, сами же таким образом экономят. Впрочем, что это за разнообразие, Алла так и не поняла. Ирина часто уезжала из дома, игнорируя свою подругу Воронцову.

Со студентом вообще говорить было не о чем, у того одни формулы и алгоритмы питания вертелись в круглой голове. Скоро его голова станет квадратной. Остается только догадываться, как он общается с Машкой. Хотя эта хищница наверняка изобрела способ общения посредством жестов и пылких взглядов.

Вот с Владимиром Воеводиным Аллочка поговорила бы. А то у него осталось превратное мнение по поводу картины и ее мозгов. Умный, тактичный, обходительный. Таким должен быть мужчина ее мечты. Когда ее жертвенное голодание ради науки завершится, Алла займется поисками мужа. Конечно, можно надеяться на то, что такой замечательный во всех отношениях мужчина, как Владимир, обратит на нее свой взор. Можно, но нельзя. У нее от диеты еще не случилось размягчение мозга, она прекрасно понимает, что он птица не ее полета. Да, Алла для него летает слишком низко, а он, как горный орел, парит неприлично высоко. Едва ли их пути пересекутся.

У нее низкая самооценка. Алла об этом знает. Но повысить ее, живя в доме дяди и будучи жертвой научного эксперимента, совершенно не получится. Вот если бы Владимир встретился ей чуть позже...

Алла представила, как она, вся такая худющая (ага, спасибо профессору!), но обаятельная и привлекательная, решительно заходит в полумрак ресторанный зала, где сидит он. Он поднимает на нее глаза и что видит? Шикарную девушку! В черном коктейльном платье, выгодно облегающем привлекательные формы... А, платье должно быть коротким, чтобы он мог увидеть ее длинные ноги. Ах, они не длинные? Так станут длинными после голодовки! Интересно, не будут ли ей коротки ажурные чулки со стрелкой, купленные по случаю у подруги... Ну да, о чем это она?

Алла сама не заметила, как оказалась в гостинной в кресле у окна, она продолжала мечтать.

На ее ногах будут умопомрачительные шпильки на высоченном каблуке.

Она закинула ногу на ногу и замотыляла розовым тапком из рыбьего меха с мордочкой зайца. Его длинные уши от каждого движения нервно трепыхались и вздымались над полом, вызывая искреннее беспокойство. Казалось, еще немного, они оторвутся, и несчастное животное останется без органов слуха. Но Звонарева этого не замечала, она витала в облаках.

Да, она наденет платье, чулки, шпильки и соблазнит Воеводина.

Что же она станет с ним делать?

Алла усмехнулась и прищурилась. Какая разница, он сам должен будет ей предложить сходить куда-нибудь, хотя бы в ресторан... Ах, забыла. Они уже в ресторане. Тогда он пригласит ее на Лазурный Берег. Что?! Алла вздрогнула. У нее нет стильного купальника! А в приличном месте ей понадобится не один, а несколько бикини, танкини и парео.

Она улыбнулась собственным мыслям и посмотрела в окно. Во двор коттеджа въезжал чей-то «мерседес». Видимо, это был гость профессора. Или специалист по фантомам? В любом случае Алла хотела выглядеть хорошо. Она вскочила и побежала в свою комнату, на ходу поправляя волосы. В холле с ней столкнулась Маша.

– Приехал, – заговорщически прошипела она, – я так и знала, что профессор его вызовет!

– Это не следователь, – удивилась Алла, – это спец по миражам.

– Знаем, – ухмыльнулась та, – какой он спец. Прошлый раз у хозяйки серьги с бриллиантами пропали, так он тоже приезжал. Нашел.

– Где? – заинтересовалась Алла.

– В бассейне, – хмыкнула Машка, – у сережек застежка была необычная, Ирина сдуру не застегнула их как следует. А криков было!

– Значит, – кисло заметила Алла, – он сыщик. Сыщик по фантомам. Ненавижу, когда меня обманывают!

Андрей сидел в кабинете профессора и внимательно его слушал. Ван Ваныч, как он иногда позволял себе называть клиента, путано объяснял, почему хочет докопаться до истины и почему, собственно, эта истина не должна быть доступна окружающим. Если кто-то, привязывая веревку к лестнице, вдруг решил подшутить, необходимо найти этого шутника, а профессор подозревает – шутницу, и серьезно поговорить с ним или с ней. Туровский кивал, он все отлично понимал. В коттедже собрались хорошие знакомые и близкие люди, жестко подшучивать друг над другом было просто неприлично.

– А если, – на этих словах профессор замялся, – веревка с колокольчиком вовсе не шутка, то...

Он не знал, что тогда делать.

– Ничего страшного, профессор, – улыбнулся Туровский, – я не стану принимать решения без вашего ведома и буду обо всем докладывать вам лично. Как я понял, подозреваемая в коварстве – ваша племянница Звонарева. Где я могу с ней побеседовать?

– Да где угодно, голубчик! – Ображенный обрадовался завершению неприятного разговора. – Хоть в гостиной.

Он провел сыщика в гостиную и позвал Машу, попросил ее пригласить Звонареву.

Пока девица спускалась, профессор показал Туровскому картину, списанную его бабкой с полотна великого мастера Фредерика Лейтона. Андрей высказал предположение, что отличить руку бабушки от руки мастера не взялся бы, настолько профессионально было написано полотно. Он умолчал о том, что совершенно не разбирался в живописи. Охватить все сферы жизни невозможно. Но это не проблема, если понадобится заняться живописью, он привлечет специалистов. Без проблем.

Их прервал телефонный звонок. Профессор снял трубку и радостно приветствовал звонившего, называя его то Вячеславом, то Славиком. Он благодарил Вячеслава за помощь, сообщал тому, что работа просто замечательная и он заедет лично к другу в художественную галерею.

Глядя на раскрасневшегося профессора, Туровский понимал, что проблема есть. И профессор чего-то явно недоговаривает. Был момент, когда Андрей понял, еще немного, еще чуть-чуть, и Ображенский раскроет нечто, что повлияет на ход расследования. Но в гостиную влетела девица, и профессор откланялся, сославшись на срочные дела.

Андрей встал и галантно склонил голову.

– Позвольте представиться, – тихим, но уверенным тоном дамского угодника произнес он. – Туровский. Можно просто Андрей.

– Звонарева, – хмыкнула девица, – можно просто Алла.

Андрей улыбнулся ей чарующей улыбкой и жестом пригласил сесть рядом с ним на большой бархатный диван. Но девица фыркнула и уселась в кресло возле окна. Туровский бросил на нее внимательный взгляд, тут же запечатлевший в сознании все нюансы характера вредной племянницы.

Склонна к полноте, значит, с комплексами. Красит слегка выющиеся волосы в рыжий цвет – конфликтует с окружающим миром. Андрей пригляделся к веснушкам на лице Аллы. Нет, не красит, рыжий – натуральный цвет, значит, она сама по себе рыжая бестия. Да, точно, он так и станет звать эту вредину «рыжей бестией». Огромные зеленые глазищи с длинными пушистыми ресницами – признак нездоровой печени, пухлые губы – признак сентиментальности и доброты. Вздернутый нос перечеркивает положительные качества, значит, себе на уме. Фигура. А ничего у нее фигура... Но это к делу не относится. Итак, рыжая бестия вполне могла совершить хулиганский поступок. Профессор говорил, что она сидит на диете. Что ж, сбросить пару килограммов ей не помешает, но только пару. Больше не нужно, фигура у нее что надо. Так, он думает не об этом.

Алла тоже в свою очередь разглядывала сыщика.

И он ей категорически не нравился!

Высокий, слишком длинный, скоро начнет сутулиться, к старости наживет горб. Мускулистый – сидит на анаболиках, только закончит их принимать – мышцы обвиснут, как уши у спаниеля. Серые глаза жутко холодные, такие наверняка были у энкавэдэшников, занимающихся массовыми расстрелами ни в чем не повинных граждан, таких как Звонарева. Стрижка стильная, пробиваются седые волосы. Сколько ему на вид? Лет тридцать пять. Значит, не за горами старческий маразм. Костюмчик небось из последней коллекции известного модельера. Сорит деньгами налево и направо, скоро будет бомжевать у станций метро. Еще туфли надел белые! Белая обувь не практична, после одного сезона у нее появляются заметные трещины. Чувствует, что до осени ему не дотянуть с такой работой, белые тапочки заранее прикупил... Кому они нужны, эти сыщики? Ей вот не нужны.

– Что, так и будем молчать? – поинтересовалась Алла.

– Так, действительно, нам нужно поговорить о ночном происшествии, – спохватился Андрей.

– А что? Ночью что-то произошло?! – нагло округлила глазищи Звонарева. – Я ничего не слышала, – она кокетливо пожала плечами, – спала на новом месте как убитая. Ой. Хорошо спала и видела замечательные сны.

– Ван Ваныч сказал...

– Ему привиделось, – перебила Аллочка, совершенно не понимая, откуда у нее взялось столько наглости. – Он на ночь слишком много мяса съел: две рубленые котлеты, фрикадельки и салат «Столичный». Салат, между прочим, был с телятиной. – Она сглотнула слюну.

– А вы, насколько мне известно, – Андрей постарался придать своему голосу мягкость, – воздерживаетесь от переедания, ведете здоровый образ жизни. Как это замечательно! Какая вы необыкновенная девушка. Не всякая сможет так, как вы, сидеть на одних бананах...

– Да, не каждая. А я вот такая.

Алла понимала, что он старается найти к ней ключик, влезть в душу и все там разворотить. С другой стороны, раз она это понимает, врасплох он ее не застанет. Уж она к таким мачо привыкла, уж она умеет с ними обращаться: раз– два – и поставила на место.

– Как себя чувствует Иван Терентьевич? – невинно поинтересовался Туровский, выбирая другую тактику общения с рыжей бестией.

Подлю. Прямо с ног свалил. Хорошо, что Алла сидела.

– Как чувствует? – переспросила она вяло. – Ирина Аркадьевна утром говорила, что он бредит.

– Бедный, – покачал головой Туровский, – как ему не повезло!

Аллочке захотелось крикнуть, что это ей не повезло, что она оказалась не в том месте и не в тот час! Что это она своим голодным видом спугнула грабителей и те ушли без награбленного... Нет! Все-таки Алла явно видела у них в руках картину в раме.

– Мы в детстве, – продолжал тем временем Андрей, – тоже играли в подобные игры. Привязывали веревку на лестнице, связывали ручки дверей напротив...

– Я ничего никуда не привязывала, – мрачно заметила Алла. Ее желание вредничать иссякло. Но сыщик ей все равно не нравился.

– Очень хорошо, – потер руки Туровский, – тогда вы мне поможет найти этого шутника. Давайте попытаемся вспомнить, что произошло ночью после того, как вы поспали и увидели сны. Ночь была, как я полагаю, длинной. Вы, Аллочка, спали, спали, затем проснулись – и?

Алла вздохнула. Раз уж он все знает, она ему расскажет, как дела обстояли на самом деле. Лучше Алла расскажет, чем Анестезия или Стае, те снова переврут. Но пусть только этот Туровский усомнится в грабителях! Тогда она выскажет ему и профессору, что думает об этом. Выскажет, наплюет на диету и вернется домой. Она больше не в силах терпеть обиду.

– Проснулась, – кивнула Алла.

– Очень хорошо, – подбодрил ее Андрей.

«Ничего хорошего, – подумала Алла, – лучше бы спала!»

– И спустилась вниз, на кухню. – Она на мгновение задумалась, стоит ли озвучивать причину.

– Я тоже, – подмигнул ей Туровский, – люблю ночью перехватить кусочек-другой. Мне почему-то всегда хочется есть после полуночи. Это луна так действует.

Алла хмыкнула, пусть к ней даже не примазывается! Она в последние дни всегда хочет есть.

– Я спустилась на кухню и взяла сыр.

Совершенно необязательно знать сыщику,

что Звонарева набрала целую продовольственную корзину.

– Сунула его в рот и пошла обратно. Но тут в гостиной вдруг услышала шорох. – Ей даже стало нравиться рассказывать. Туровский слушал ее так внимательно, как до этого несчастную девушку не слушал никто. – Это был даже не шорох, а шум. Да, это был шум. Я заглянула в гостиную, – Алла встала и подбежала к двери, – и вот отсюда увидела... – Она сделала многозначительную паузу.

– Что? – сдвинул брови к переносице сыщик.

– Грабителей, – зловещим шепотом ответила Алла. – Они стояли здесь, – она подбежала к картине, – и мерзко хихикали. Большие, толстые, страшные. Их было двое. Я испугалась, это же вполне естественно!

– Разумеется, – поддакнул Андрей, – я бы тоже струсил.

Он понял, что перегнул палку.

– В душе. Глубоко в душе. Где-то очень глубоко.

– Вот я тоже, пока разбиралась со своей душой и страхом, их упустила. Они ушли в ту дверь. – Алла показала на второй выход из гостиной. – Там черный ход и еще одна лестница на второй этаж.

– Очень интересно, – проговорил Туровский, встал и подошел к картине с другой стороны. – Значит, вы видели, как они украли эту картину?

– Конечно же эту, а какую еще?

– Но она на месте.

– Но я видела!

– Замечательно! – Туровский заложил руки за спину и принялся вышагивать по комнате. – И знаете что, Алла Звонарева?

– Что?!

– Я вам верю! Так все и было. Все было так, как вы мне рассказываете. Остается уточнить детали.

– Давайте.

Туровский резко остановился напротив Аллы и спросил:

– Когда вы спускались по лестнице, там была привязана веревка с колокольчиком?!

– Нет! Я бы обязательно зацепилась и свалилась, как Иван Терентьевич.

– А если хорошенько подумать? И представить!

Туровский схватил ее за руку и потащил на лестницу.

– Не забывайте, Аллочка, вы мне помогаете восстановить картину происшествия.

– Помогаю, – согласилась та.

– Она была такой.

Туровский подбежал на втором этаже к комнате Аллы, открыл дверь, закрыл ее, якобы выходя. Огляделся, натянул на физиономию маску полного удовлетворения – якобы никого не увидел. И радостно, с энтузиазмом, представляя озабоченную предстоящим пиршеством девицу, попрыгал к лестнице, жеманно придерживая подол воображаемой длинной ночной сорочки. На ходу он насвистывал, беззаботно вращал глазами и облизывался.

Такой тупой физиономии Алла отродясь не видела! Это он ее так себе представляет?!

Туровский тем временем весело и беспечно прыжками дрессированного кенгуру в два захода одолел лестницу и остановился внизу. Якобы опустил подол.

– И что? – не поняла Алла.

– Вы перепрыгнули веревку! – довольно заявил тот. – А Иван Терентьевич этого сделать не смог.

– Прикольно было бы, если бы и он перепрыгнул, – хмыкнула Алла.

– Да, в его случае это был единственно правильный ход, вернее, прыжок.

Туровский моментально преобразился, заложил руки за спину и принялся смотреть на лестницу, словно ждал, когда та сама во всем признается. Алла пожала плечами и спустилась вниз.

– Ой, а что вы тут делаете, Андрей Александрович? – Из кухни показалась расфуфыренная Машка. И когда только успела! Она что, прячет косметичку в мусорном ведре или держит ее в хлебнице? – Я и не слышала, как вы подъехали. Вся в делах, все кручусь и кручусь. Кофе не желаете? Я сварю.

Туровский растаял от внимания. Аллу передернуло. Это же надо быть такой откровенной хищницей! Без стыда и совести напрапалую кокетничать с мужчиной. Хотя Алла тоже пробовала с ним кокетничать, делала это исключительно ради собственной безопасности.

– Сварите, Машенька, буду вам очень благодарен, – кивнул ей Туровский.

– Аллочка, я и тебе сварю, – улыбнулась та и вернулась на кухню.

– Милая девчонка, – пробормотал ей вслед Андрей, – профессору с помощницей явно повезло. Впрочем, – он повернулся к Алле, – вы тоже мне помогли. Теперь останется немного подумать, сопоставить факты. И уточнить очередность.

– Очередность чего? – не поняла Алла.

– Очередность, с какой выскакивали из комнат перепуганные домочадцы, – пояснил Туровский.

– Я никого не пугала, – обиделась Алла.

– Разумеется, Аллочка. – Туровский поставил ее рядом с собой. – Вспомните, кто на ваш крик прибежал первым.

Ей нечего было скрывать. И честно признаться, до одури хотелось кофе. Машка отлично его варит. Алла не стала тянуть и попыталась вспомнить.

– Первым пришел Иван Терентьевич, – напрягла память Алла, – я включила свет, и он свалился...

– Я в курсе, – нетерпеливо перебил ее Туровский.
– За ним прибежал профессор, его жена, супруги Воронцовы, потом пришла Маша, за ней Костик. Владимир Аркадьевич ничего не слышал.
– Значит, – прищурился сыщик, – во всем этом светопреставлении не участвовал только он?
– Значит, он не участвовал, – согласилась Алла.
– Все понятно, – улыбнулся Туровский и направился в сторону кабинета.
– Что понятно?! – испугалась Алла. – Владимир Аркадьевич ничего к лестнице не призывал!
– Откуда вы знаете? – остановился Андрей.
– Знаю, – испугалась Алла, – знаю! Можно у него спросить! Он весь день в комнате сидит.
– Ничего вы, Аллочка, не знаете, – ухмыльнулся сыщик. – Господин Воеводин со своей сестрой уехал в город. Так что спросим его чуть позже.

Алла проводила глазами сыщика в профессорский кабинет и морально приготовилась защищать Владимира. Она была уверена: он не способен на такие идиотские шутки, как призывание колокольчиков и веревок к лестницам. Зачем это ему?

– И как? – поинтересовался профессор у вошедшего сыщика. – Дело продвигается?
– Все отлично, – бодро отрапортовал тот и взял протянутую ему профессором сигару. Мужчины сели, закурили, задумались, после чего Туровский вздохнул и сказал:
– Все хорошо, она этого не делала.
– Плохо, – вздохнул профессор. – Тогда это сделал кто-то другой.

Алла ждала возвращения Ирины, сидя на своем любимом месте у окна в гостиной. Неужели она проглядела Воеводина?! Точно проглядела. Не мог нормальный мужчина сиднем сидеть в комнате, когда на улице отличная погода, а в городе полно развлечений.

В том, что она симпатичная, Алла теперь не сомневалась. Она чувствовала, что понравилась Туровскому. Женщина чувствует симпатию мужчины на уровне подсознания, как те выделяют блондинок с длинными ногами и пышной грудью. А потом говорят, что полюбили за трепетную душу и глубокомысленные глаза.

Но пусть этот мачо ни на что не надеется! Звонарева другому отдана и будет век ему верна.

Во дворе послышался шум колес. Алла замерла. Возвращалась спортивная иномарка Ирины. Вот машина остановилась на привычном месте. Тихо урча, смолк двигатель, открылась водительская дверца... Точно! Владимир ездил в город с сестрой. Как она его не заметила? Бессонная ночь...

Из автомобиля вышла Ирина и пошла открывать багажник. Владимир кинулся ей помогать. Они вместе достали оттуда что-то большое и тяжелое и понесли в гараж. Алла попыталась приглядеться, что они несли, но не успела. Ее поразил другой факт!

Она в волнении откинулась на спинку кресла.

Такого от Ирины Аркадьевны Алла не ожидала! Это что, продолжение издевательств над бедной родственницей?! Насмешка над жертвой науки?! Или что-то другое...

Ирина влетела в гостиную.

– А, Алла! – воскликнула она. – И как я тебе?

– Замечательно, – пробурчала та, видя перед собой рыжеволосую красавицу хозяйку.

– Огненные оттенки пицат этим летом. – Ирина схватилась за свои выющиеся рыжие локоны. – Так что, милочка, мы с тобой обе пищим! Мы похожи! Правда ведь, Влад?

– Очень похожи, – усмехнулся Владимир, заходя следом за сестрой в гостиную. – Но одна из вас явно красивее. – Он подмигнул Алле.

Алла покраснела, конечно же она нисколько не сомневалась в том, что он говорил именно о ней.

– Да, я страшно красивая! – сказала своему отражению в витраже старинного буфета Ирина.

– Просто жуть, – кивнула Звонарева.

Глава 3

Дед на шум всегда выскакивал первый, как черт из табакерки

Таких обедов, как в семьях с обычным среднестатистическим достатком, в профессорском доме не было. Хозяйка днем чаще всего отсутствовала, профессор занимался научными изысканиями, на гостей и родственников никто не обращал внимания. Живут себе и живут, хлеба не просят. А если бы и просили, никто бы им не дал.

Воронцовы точно ничего не просили весь день, зато вечером наедались до отвала. И это после того, как Анестезия заявила, что после восьми часов вечера она ни росинки не кладет в рот. Зачем есть после восьми? Когда пузо набито в семь пятьдесят пять? Вот Алле приходилось гораздо хуже. Прожить на банановом суфле с утра до вечера представлялось настоящим подвигом. Ее здоровому, молодому организму требовалось гораздо больше калорий. Недоедание, как и недосыпание, помятым видом выплывает на лице, никакими тональными кремами их не замажешь. А хочется выглядеть привлекательной и соблазнительной. Разумеется, Туровский здесь совершенно ни при чем. Хочется выглядеть привлекательной и соблазнительной для другого мужчины, которому она точно нравится.

Таковыми мыслями Алла оправдывала свой поход на кухню после того, как Машка пронесла мимо нее в кабинет поднос с чашками со струящимся ароматным дымком.

Естественно, сблизиться с Сурковой себе дороже, но так хочется с кем-то поговорить. Можно беседовать с умным человеком, с собой. Но иногда важно услышать иное мнение. К тому же до ужина еще жить и жить – целых два часа!

Устроившись на углах квадратного стола, примыкающего к белой стене из финского кафеля, девушки пили кофе. Алла не скрывала, что сыщик не понравился ей с первого взгляда.

– Строит из себя мучо мачо, – презрительно сказала она.

– Какого чмо? – не поняла Машка.

– Мучо мачо, – вздохнула Алла, – по-испански означает «очень мужественный мужчина».

Но Туровский мот, пижон и показушник.

– Ага, – согласилась с ней Машка, – он бывает такой суетный...

– И приставучий, – добавила Алла, вспомнив, как тот потащил ее на лестницу. – «Вы мне помогаете восстановить картину случившегося», – передразнила она. – Я-то помогала, а он сделал из этой картины неправильные выводы.

– С какой картиной? Той, что висит в гостиной?

– Машка, ты совершенно не догоняешь, – возмутилась Алла. – Думаешь о чем-то другом. Я тебе говорю, сыщик заподозрил в грабеже Владимира Воеводина.

– Да ты что?!

– Вот тебе и что. Но он не мог этого сделать. Он не мог привязать веревку с колокольчиком, а потом бежать воровать этот дурацкий «Восточный полдень»!

– Почему не мог? – не согласилась Машка. – Очень даже мог. Ты же видела двух грабителей?

– Двух.

– Все правильно, – пожала пухлыми плечами Суркова, – один – Ирка, второй – ее брат. Брат и сестра – одна сатана. Или муж и жена – одна сатана. Но и то и другое верно. Ты их напугала и прогнала. Вот потому они ничего не украли. Не успели.

Алла не стала соглашаться. Она не могла представить, что Владимир виноват. Не могла, и все. И чем больше она об этом думала, тем яснее становилось у нее в голове. Не успели! Вот в чем скрывается весь смысл преступления! Если они не успели той ночью, ползут грабить

этой! На этот «Восточный полдень» у них наверняка заказ олигарха, который не знает, что это список с оригинала, а не сам оригинал. Алла раньше слышала про подобные преступления: преступники проникали в музеи и коллекции частных лиц, но забирали что-то одно конкретное. Это у них называется «под заказ». Остается только спуститься сегодня ночью в момент, когда те приступят к ограблению, и закричать.

Страшно. Но еще страшнее будет, если в хулиганстве обвинят Воеводина.

Алла должна спасти его честь.

Она улыбнулась Машке, та рассеянно улыбнулась ей. Каждая думала о своем.

Машка, скорее всего, о студенте. Профессор отправил его в городскую квартиру за томами Пушкина, здесь они, по всей видимости, ничего не нашли. Маша ждала студента, это было очевидно.

Алла вздохнула. Любовь – это страшная сила. Ради любви ей придется сегодня ночью подкараулить бандитов и вывести их на чистую воду. Она надеялась, что грабителями окажутся люди со стороны, проникшие в коттедж необыкновенным путем. Алла очень надеялась, что на ее крик прибегут все домочадцы, в том числе и Воеводин. И Туровский! Очень хорошо было бы оставить его у профессора на ночь. Пусть убедится собственными глазами в том, что они с Владимиром в этом деле – посторонние лица. Лица честные, между прочим.

– Ван Ваныч сказал, – тоскливо заметила Машка перед уходом, – чтобы я тебе за ужином бананы подала в чистом виде, без термической обработки.

– Подавай, – махнула рукой Алла.

Ее зеленые, хитрые глаза блеснули надеждой. Но на этот раз она думала, как ни странно, не о еде. Хотя за спиной у Машки на плите варилось и жарилось мясо, благоухая на всю кухню умопомрачительным запахом.

За ужином все вяло переговаривались. Аллочка отметила, что присутствие за столом Туровского никого не обрадовало, не испугало и не удивило. Значит, он был частым гостем у профессора Ображенского. Не оставила Алла без внимания и то, что факт преобразования госпожи профессорши из блондинки в рыжеволосую красавицу прошел практически незаметно. Анастезия, увидев Ирину, слабо вскрикнула и тут же зажала рот рукой. Стае ухмыльнулся. Студент Костик снял очки, протер их, водрузил на нос и натужно улыбнулся. Профессор вообще не заметил перемены в собственной жене.

Машка обслуживала домочадцев и как ни в чем не бывало лыбила Ирину Аркадьевну, на которую подговаривала Аллу свалить все грехи.

Ирина Аркадьевна рассказала, как она с братом съездила в клинику, куда положили Ивана Терентьевича, как там все, начиная от главврача до младшей санитарки, просили ее срочно забрать буйствующего старикана, пытались ее подкупить, кто чем мог. Но она осталась неподкупной и заявила, что Иван Терентьевич нуждается в тщательном уходе и заберут его только после того, как медики приведут в полный порядок содержимое его стукнутой головы.

Алла догадывалась, что бедным медикам это не под силу, ведь и до падения с лестницы Иван Терентьевич был тот еще фрукт. Сушеный, но агрессивный. Он часто выскакивал, насколько ему позволяли больные ноги, из своей спальни, расположенной у самой лестницы, и грозился остаться полным сиротой – всех расстрелять без суда и следствия. Впрочем, он был безобиден. Выскакивал только на шум и крики. В доме кричали не часто, и вряд ли до Алочки кричали: «Насилуют!» Так что бедному деду было на роду написано выскочить и упасть с лестницы в пиковый момент кражи. Но то, что он себя хорошо чувствовал, Аллу радовало. Все же у нее была совесть. И она жалела об одном. Если бы она закричала: «Пожар!», дед не выскочил бы. Он любил повторять, глядя на своих родственников: «Гори они все синим пламенем!»

Владимир добавил к словам сестры, что клиника респектабельная, с хорошей кухней и обслуживанием.

Словно говорил про ресторан.

С другой стороны, Алла не лежала в таких клиниках, возможно, все так и было. Ей довелось лишь однажды провести неделю в обычной больнице после операции аппендицита. Это случилось в детстве, и Алла больничную кухню толком не запомнила. Сейчас бы она отнеслась к ней с более пристальным вниманием. Наверняка там кормят не одними бананами, так что Ивану Терентьевичу в чем-то повезло. Гораздо хуже пришлось бы старику – быть вместо Аллочки подопытным диетчиком. Когда у нее истощится запас жизненных сил, а на бананах Алла точно долго не протянет, придется последовать примеру деда и свалиться со второго этажа. Раз существует такая замечательная клиника. Но возможно, ее отвезут в обычную больницу, ведь у Аллы нет акций Газпрома и приличного состояния. Так что с лестницей лучше не спешить.

Профессор объявил жене, что завтра обязательно съездит к деду и проводит родственника. Ирина принялась его уговаривать ни на что не отвлекаться и заниматься наукой. По ее словам, профессор был на волосок от величайшего открытия века, которое сделает Ображенского еще более знаменитым. Алла догадалась, что речь идет о ней, и шмыгнула носом. Она очень дорожит экспериментом, но сегодня ночью должна будет пожертвовать собой в других целях.

Когда она закончила тыкать вилкой банановый салат, а остальные до отвала наелись, Машка наклонилась над ухом профессора и что-то ему сказала. Профессор округлил глаза и предложил ей пройти в кабинет, куда позвал Андрея Туровского. Тот, на ходу поедая заливной язык, поспешил за ними. Все проводили троицу удивленным взглядом, а Ирина подскочила и попыталась составить им компанию. Но профессор резко покачал лысой головой. Алла зажмурилась и притихла. Сейчас Машка все свалит на Воеводина! План ночного задержания грабителей показался ей еще более важным.

– Вот! – Суркова достала из кармана белоснежного передника и положила на зеленый профессорский стол моток шпагата.

– Что вот? – недоумевал Ображенский, разглядывая моток.

– Это я нашла перед ужином в комнате Ивана Терентьевича, когда пришла туда убираться.

Машка выглядела довольной и очень спокойной.

Туровский взял шпагат в руки, отмотал полметра и попытался разорвать. У него это получилось сразу. Профессор тоже отмотал себе полметра и порвал.

– И что? – поинтересовался Ображенский.

– Ничего, – флегматично пожала плечами Машка. – Я нашла, принесла. Сами думайте, господа хорошие, зачем Ивану Терентьевичу веревка под кроватью.

– Огромное спасибо, Мария. – Туровский подхватил Машку под руку и повел к выходу. – А больше вы ничего в комнате дедушки не нашли?

– Больше ничего. Если только вас не интересуют грязные носки. Иван Терентьевич всегда сворачивает их клубочком и бросает под кровать. Я оттуда выудила их и веревку.

– Нет, – сказал Туровский, – носки не интересуют.

Он открыл Маше дверь.

– Но если найдете что-то еще, Машенька, несите.

– Так я пошла к чаю накрывать? – спросила та у профессора.

– Идите, голубушка, – махнул тот, задумчиво склонившись над мотком. – И что это значит, Андрей Александрович? – спросил он, когда Суркова вышла. Он порвал еще полметра. – Зачем деду привязывать себе самому веревку на лестнице?! К тому же она рвется.

Туровского нисколько не смутил тот факт, что веревка оказалась хлипкая. Он попросил профессора достать улику, ту веревку, которая была привязана на самом деле. Профессор полез в ящик стола и положил рядом с мотком обрывок.

– Один в один, – заключил Туровский после внимательного изучения предоставленного материала. – Значит, ваш хулиган пользовался этим мотком!

– Наш хулиган, – напомнил ему профессор. – Но я не могу представить Ивана Терентьевича в этой роли! Нет, безусловно, Ирина с Володей у него в печенках сидят, Настю со Стасом он всегда ненавидел, к приезду Аллы отнесся с нескрываемым отвращением, а Костик у него на плохом счету, обо мне уж лучше и не говорить... С его мировоззрением можно уничтожить все человечество. Но привязывать веревку с колокольчиком? Нас проще расстрелять!..

– Это мог быть не Иван Терентьевич, – глубокомысленно заметил Туровский.

– Это еще хуже, – вздохнул профессор и полез в шкатулку из слоновой кости за сигарами и щипцами для них. – Можно надеяться, что действовал маньяк.

– Нет, – прищурился Туровский, принимая из рук профессора кубинскую сигару, от запаха которой у него приятно защеботало в носу. – Нет, действовал очень умный человек. Он не хотел совершить убийство, что и случилось. Жертва осталась жива, только наделала много шума. Много шума из ничего.

– Да, я помню это замечательное произведение, – кивнул профессор.

– Веревка оборвалась сразу, как только об нее зацепились. Окажись на месте вашего деда физически крепкий человек, он бы не упал. Но остановился бы и, думаю, хорошенько выругался. Это задержало бы его, а человек, привязавший веревку, воспользовался бы заминкой для бегства.

– Значит, – попыхивая сигарой, предположил Ображенский, – она не убежала только потому, что Иван Терентьевич упал? Я знал, моя племянница не хотела никого убивать. Хотя разум голодающего человека подвержен возникновению фантомов различной этиологии...

– Веревку, профессор, привязала не Звонарева, – изрек Туровский и пустил колечко дыма в потолок.

– Кто же тогда? – Профессор проводил взглядом облачко дыма до потолка и отправил туда свое.

– Скоро узнаю, – пообещал Туровский. – Но это не Алла и не Иван Терентьевич. Ему веревку под кровать подбросили.

– Что вы говорите? – удивился Ображенский. – Интересно. Занимательный детектив.

– Так же как и ваше окружение, Ван Ваныч. Что вы думаете по поводу брата вашей жены?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.